

ЛИТЕРАТУРА КАК УЧЕБНИК ЖИЗНИ

Иван Есаулов

Стереотипное представление о «вторичности» искусства соцреализма по отношению к внехудожественной действительности нуждается в некоторой корректировке. Соцреализм был действительно «вторичен», но по отношению к «первичной» идеологии (хотя и в этом случае не всегда можно констатировать прямую трансляцию), но отнюдь не к жизненной реальности. Одно из главных нормативных отличий этой литературы от типологически предшествующего этапа («критического реализма») состояло в том, что новая литература не только «отражала» жизнь, но и была призвана ее «направлять». Если интерпретировать соцреализм в контексте понимания, имманентном этой установке, то расхожая критика его произведений как «лакирующих» (а тем более искажающих) советскую действительность представляется неадекватной.

«Действительности» (т. е. внехудожественной реальности) отнюдь не предписывается быть идентичной зачастую праздничному и оптимистичному «миру» произведений соцреализма (в этом случае как раз возникает опасность статичного — в духе «критического реализма» — отражения жизни). Особенность соцреалистического дискурса в том и состоит, что читатель должен не только опознать текст как «реалистический» по своему материалу (в противном случае возникает нежелательный эффект самозначимости предлагаемого произведения, утратившего непосредственный жизненный эйдос), но и ощутить специфическую художественную «деформацию» этого жизненного материала. Так, в отличие от «критического реализма», даже жанр биографии в целом строится отнюдь не на основе жизненного аналога предмета описания, а исторический роман вполне может очевидные факты исторической действительности подчинить неочевидной «логике поступательного исторического процесса». Иными словами, неизбежное «революционное развитие», потенциально уже содержащееся в предмете описания, автору необходимо так или иначе эксплицировать посредством самого соцреалистического письма.

Речь идет о принципиальной антиципации художественной реальностью реальности жизненной. Такова логика системообразующего механизма соцреалистических текстов. Таким образом, рассматривая отношения литература / жизнь, можно говорить о литературном творчестве как об авангардном для жизни, а потому заведомо предполагающем неизбежный зазор между ними. Литературная продукция является тем самым не вторичной продукцией по отношению к отражаемой «жизни», но, напротив, она призвана предвосхищать либо эксплицировать те жизненные явления, ситуации и характеры, которые преобразуемая — в том числе и соцреалистической литературой — действительность только лишь подспудно содержит в себе.

Однако экспликация соцреалистического письма происходит, по-видимому, двумя существенно различными способами. В период становления соцреализма функция чаемой революционной «деформации» жизненного материала осуществляется посредством авторской активности (данная разновидность генетически связана с «авангардной» художественной практикой, а также с теорией русского формализма). В период сложившегося соцреализма ту же функцию выполняет уже институт героев.

В первом случае элиминируется сознание героев, а сами герои исчерпываются

своими композиционными функциями, направляемыми из экспериментального авторского центра. Во втором случае автор из всевластного создателя (революционного преобразователя) превращается в хроникера непрерывно саморазвивающейся советской действительности. Автора — родителя и строгого судью сменяет автор — совслужащий, поскольку герои обретают уже Отца-вождя и Мать-родину — и поэтому присваивать их, «очернять» и превращать в предмет произвольных авторских манипуляций эстетика соцреализма не позволяет. Таким образом, в обоих случаях автор остается демиургом, но — в соответствии с этимологией этого слова — в одном случае актуализируется его «божественная» природа, а в другом — «ремесленная».

Однако, эта переакцентуация отнюдь не приводит к пересмотру отношений литература/жизнь, поскольку адресат художественных произведений соцреализма — внехудожественная действительность (в том числе, сознание читателей) — в любом случае должна быть подвергнута деформации, но адресанты этого воздействия в самом деле различны.

Соответственно общеизвестный учительный пафос литературы соцреализма возникает как результирующая двух факторов, где константа — ударное идеологическое воздействие на сознание реципиента — соседствует с переменными. В этом случае читатель обязан испытать катарсис жизнестроительства, проистекающий из «сотворчества» революционному автору, сокрушающему старые и находящему новые «революционные» формы, единственно созвучные пафосу эпохи. Это — своего рода новаторский авторский спектакль, где голоса героев несут минимальную самостоятельную смысловую нагрузку — в отличие от голоса автора. В другом случае тот же катарсис жизнестроительства проистекает из «сопереживания» героям-деятелям, которые должны быть убедительно («образно») представлены.

Итак, в одном случае от читателя ожидается революционный мимесис по отношению к автору-творцу; в другом — по отношению к сотворенным героям-образцам. В одном случае доминирует монологизм авторского аудио, в другом — визуальный ряд «образов» героев. Второй вариант более распространен в соцреалистических текстах, поскольку функционально более отвечает дидактической задаче позднего соцреализма. Генеалогия этого варианта искуства соцреализма не сводится ни к житийным канонам средневековой христианской словесности, ни к утопической традиции «разумного жизнеустройства», имеющей античные корни. В советском варианте художественная литература могла достаточно эффективно выполнять заданные ей учительные функции в силу некоторых особенностей российской истории.

Выделим наиболее существенные. Это, во-первых, сравнительно поздняя секуляризация общества. В результате художественная литература в сознании авторов и читателей стала выполнять своеобразные компенсаторные функции, замещая собой духовную литературу, она «сакрализовалась» — как, впрочем, и в целом письменное слово, сохранившее некоторый мистически-заклинательный осадок. Во-вторых, следует указать на слабую дифференциацию принципиально различных сфер общественной жизни. Литература в России представляла собой обычно синтез философии, морали, публицистики и политики, а поэтому всегда оказывала значительное воздействие на жизнь общества. В-третьих, это литературоцентризм в целом как одна из характернейших российских особенностей («Пушкин — это наше все»; «Брежнев — мелкий политический деятель эпохи Солженицына» и т. п.).

По сравнению с литературой «серебряного века» соцреализм предлагает не обесценивание, как это часто полагают, а, напротив, значительную ревальвацию художественного дискурса, поскольку утверждающиеся в различных литературных направлениях начала века свободные отношения между означаемым и означающим сменяет тенденция к их жесткому объединению. «Жизнетворчество» русских сим-

волистов являлось именно попыткой восполнения (жертвенного либо игрового) этого нового для русской словесности зияния между написанным словом и обозначаемым им объектом. Таким образом «ответственность» за письмо уже переводилась из сферы искусства в сферу жизненного поведения его автора, в сферу ответственного поступка. В литературе же соцреализма этот перевод имеет не инициативно-добровольный характер, где субъект переноса сам автор, но публично-демонстративный.

Восстановление единства денотата, референта и сигнификата в эстетике соцреализма, с одной стороны, объективно придает любому написанному слову особый вес — независимо от субъективного желания самого писателя; с другой же стороны, предполагает особую ответственность пишущего. Поскольку возможным оказывается возврат к утрачиваемой было реальности растворения писателя в самом акте письма, восполняющее по отношению к этому акту отдельное от него «жизнетворчество» автора становится излишним. Ориентируясь на это авторитетное письмо, освященное уже фактом его публикации в государственной типографии, именно реципиент соцреализма и получает дарованную возможность строительства собственной судьбы. Писатель же, располагающий могущественным оружием преобразования действительности — Печатным Словом, — призван отвечать за свое художественное письмо собственной жизнью.

Необходимо учитывать, что «учебником жизни» для значительной массы населения России и в начале XX века оставалось Евангелие и Жития святых. Неслучайно поэтому целью задуманной М. Горьким серии «Жизнь замечательных людей» было представить новые «святцы» для жизнестроительства, в которых активизм предлагаемых героев призван был заместить бывшее смирение их инвариантных житийных аналогов и, тем самым, трансформировать «горизонт ожиданий» читателей. Традиционно суггестивное доверие к печатному слову было использовано в целях его вторичной сакрализации — в качестве такой ментальной особенности читательской аудитории, которая сможет стать самым надежным фундаментом для работы «инженеров человеческих душ».